

Перевод с болгарского.

240
Расширено
СЕКРЕТНО.
ЭКЗ. № _____

НАРОДНЫЙ СУД
ТРЕТИЙ ВЕРХОВНЫЙ СОСТАВ

7ое Заседание

София, понедельник, 26 февраля 1945 г.

Началось в 8 ч.50 м.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Б.ЛОЗАНОВ: Заседание продолжается.

Г-да! защитники! Показания свидетеля Экзарха болгарского Стефана 1 Вам известны?

ЗАЩИТНИКИ: Да.

= Согласны ли вы считать их зачитанными?

- Да.

НАР.ОВВ.Д.ВАПЦАРОВ: Г-да народные судьи! В дополнение к судебному следствию представляю вам доверительный доклад №126 болгарского полномочного министра в Загребе, датированный 30 июля 1942 г. и адресованный г-ну премьер-министру и министру иностранных дел. Представляю также шифрованную телеграмму, посланную 23 октября 1942 г. болгарским посольством в Загребе также на имя Министерства иностранных дел. В-третьих, представляю доверительную докладную записку пресс-атташе того же посольства в Загребе, датированную 26 ноября 1942 г. Независимо от этого, представляю экземпляр газеты "Правда", датированный 20 декабря 1944 г., а также экземпляр газеты "Известия", датированный 23 декабря 1944 г., которые нужно иметь в виду при вынесении приговора.

АДВ. П. ДЕНЕВ: В дополнение ко всему, что мы уже представили, хотя это не имеет большого значения, но для полноты картины представляем экземпляр газеты "Изгрев" от 13 января 1945 г., где отмечены вопросы и ответы - вопросы, поставленные Народным судьей Стефаном Мановым из 1-го Верховного состава бывшему премьер-министру Филову, и ответы Филова на поставленные ему вопросы, в связи с посылкой д-ра Маркова в Катынь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В качестве доказательства с чьей стороны?

АДВ. П. ДЕНЕВ: Со стороны д-ра Маркова. - Я также прошу иметь в виду и представленные тем же д-ром Марковым п. и проведение следствия: все письменные показания: вообще нужно иметь в виду все письменные доказательства по делу.

= Определение по окончании судебного следствия.

По требованию народного обвинителя и защиты подсудимых для дополнения судебного следствия суд перед тем, как закончить последнее, принимает в качестве доказательств по делу следующие письменные документы: представленные народным обвинителем документы: копия доверительного бюллетеня № 1020 немецкой радиостанции Донау от 20 июля 1943 года, содержащего речи, которые в этот же день были произнесены через немецкую радиостанцию Донау подсудимыми архимандритами о их впечатлениях о Виннице. Во-вторых, экземпляр газеты "Днес" № 989 от 7 августа 1943 года, содержащий впечатления подсудимого Бориса Коцева, которые последний изложил на пресс-конференции по вопросу о виденном им в Виннице. В-третьих, книга на немецком языке, содержа-

щая немецкие документы о злодеяниях в Катыни, и озаглавленная "Катынь". В-четвертых, книга, озаглавленная "Выстрел в затылок". В-пятых, книга, озаглавленная "Трагедия Польши". В-шестых, протокол, составленный комиссией в связи с исследованием массовых могил украинского населения в окрестностях Винницы, в немецком оригинале и болгарском переводе, датированный 15 июля 1943 г. В-седьмых, удостоверение, изданное профессором Надановым и датированное 30 октября 1944 г. В-восьмых, медицинский акт о совершенном д-ром Марко Марковым вскрытии трупа № 827 в Виннице, на немецком и болгарском языках. В-девятых, письмо отдела шифра и архивов Министерства иностранных дел и исповеданий декану медицинского факультета, датированное 13 мая 1943 г. В-десятих, доверительное письмо № 126 последнего полномочного министра в Загребе, датированное 30 июля 1942 г. П. Шифрованная телеграмма болгарской миссии в Загребе № 202 от 23 октября 1942 г. 12. Доверительная докладная записка от 26 ноября 1942 г. пресс-атташе при той же миссии. 13. Газета "Известия" от 23 декабря 1944 года. 14. Газета "Правда" от 21 декабря 1944 г.

Принимается в качестве доказательства и статья архимандрита Николая, опубликованная в журнале "Идеи и дела". Принимаются следующие письменные документы, представленные подсудимым д-ром Марко Марковым суду вместе с его ответом на обвинительный акт: копия письма указанного подсудимого декану медицинского факультета, датированного 24 апреля 1943 г.; копия письма того же подсудимого декану

медицинского факультета, датированного 10 мая 1943 г.; копия выписки из протокола № 19 о заседании совета - факультета, датированного 10 мая 1943 г.; копия выписки из протокола № 20 заседания того же совета от 26 мая 1943 года; копия доклада декана медицинского факультета академическому совету университета и копия выписки из протокола № 14 о заседании академического совета 19 мая 1943 года. Принимается в качестве доказательства и представленная сегодня тем же подсудимым копия судебно-медицинского акта, датированного 6 июля 1943 года, составленного по поводу смерти Чудомира Младенова Дончева из села Калугерово, Бабушничкого уезда. Принимается в качестве доказательства и представленная копия телеграммы № 2823 начальника полиции в Драгомане. Принимается в качестве доказательства представленное тем же подсудимым письмо № 450 министерства иностранных дел, датированное 27 апреля 1943 года. Принимается в качестве доказательства экземпляр газеты "Изгрев". Принимаются также письменные доказательства, представленные суду подсудимым д-ром Георгием Минчевым Михайловым вместе с его ответом на обвинительный акт, а именно: три судебно-медицинских акта, датированные 19 октября 1938 года, 11 марта 1943 года и 16 июня 1943 года, составленные тем же подсудимым в качестве специалиста; письмо № 233 судебно-медицинского института декану медицинского факультета, датированное 5 июля 1943 года; письмо № 248 того же института тому же декану, датированное 9 июля 1943 года, приказ № 973

ректору Софийского университета от 29 июля 1943 года; письмо № 6231 декана медицинского факультета директору Института судебной медицины при медицинском факультете, датированное 6 августа 1943 г. Принимается в качестве доказательства и экземпляр газеты "Младекка искра" год издания ХУ1, № 14, от 16 декабря 1944 года, вместе с приложенными к нему тремя снимками с изображением подсудимого архимандрита Иосифа, которые последний представил сегодня суду.

Принимаются в качестве доказательств и письменные документы, которые представил сегодня суду защитник подсудимого архимандрита Стефана, а именно: копия обвинительного акта по поводу переписки вх. № 26348 по описи за 1943 год прокурорского надзора Софийского областного суда против Естер Аврама Якова и других; протокол комитета Отечественного фронта при Елешничской общине.

Принимаются в качестве доказательства письменные доказательства, представленные сегодня подсудимым Борисом Коцевым, а именно: копия выписки из речи бывшего народного представителя /депутата/ д-ра Георгия Липованского в обыкновенном народном собрании XXV созыва V регулярной на 12 заседании, 23 ноября 1943 г. по поводу составления проекта-ответа на тронную речь. Принимается в качестве доказательства и краткое географическое описание месторасположения Винницы и Катини, представленное суду начальником географического института в письме № 384 от 19 февраля 1945 г. относительно состояния почвы и климата этих

местностей. Принимается в качестве доказательства и служебная записка, составленная министром иностранных дел. Принимается в качестве доказательства снимок массовых могил в Виннице. Принимается в качестве доказательства копия заявлений подсудимого Бориса Коцева о массовых могилах в Виннице, опубликованных в газете "Зора" № 7231 от 7 августа 1943 года под заголовком "Страшные находки на Украине".

Суд, приняв эти доказательства, об"являет судебное следствие законченным. Слово предоставляется народному обвинителю.

НАР.ОБВ.Д.ВАИЦАРОВ: Г-да народные судьи! Процесс, по которому вы вынесете свой приговор, отличается от рассмотренных до сих пор дел. Здесь нет убийств, нет фашистского террора, не имеется деятельная и существенная помощь политике бывшего предательского правительства Филова-Габровского, политики, которая была несовместимой с нашими обязательствами в качестве нейтральной страны по отношению к Советскому Союзу.

Рассматриваемый Вами процесс имеет ту особенность, что он раскрывает полную беспринципность не только наших бывших правителей, но и части фашизированной болгарской интеллигенции в отношении выбора средств, с помощью которых стремились наложить позорное пятно на величайшую в мире страну - Советский Союз. Часть подсудимых стали сознательными проводниками и помощниками самого кровавого в мире режима - режима чудовища Гитле-

216

ра и исключительного по своему садизму и человеконенавистничеству Гиммлера.

Этот процесс имеет и другое историческое значение: Он подтверждает перед изумленным и охваченным отвращением миром авторство страшных и беспримерных в истории кровавых злодеяний, совершенных немецкими фашистами на территории Польши, Советского Союза, Литвы и др., раскрытых в ряде нот, отправленных Молотовым всем странам, с которыми Советский Союз поддерживает нормальные дипломатические отношения, и в сообщениях Чрезвычайной Государственной Комиссии. Он подтверждает произведенные уже раскрытия того, что убийцами сотен тысяч миллионов невинных и беззащитных мужчин, женщин, стариков и детей являются СС"овцы Гиммлера, гестаповцы, офицеры, унтер-офицеры и солдаты немецкой армии. Он раскрывает подлость, трюки и фальсификацию, к которым прибегали немецкие организаторы массовых убийств для того, чтобы приписать совершенные ими злодеяния Советскому Союзу.

Но этот процесс имеет и особое значение для нашей страны. Он раскрывает, что преступное и предательское правительство Филова очень хорошо знало, где истина, и кто автор массовых убийств. Оно располагало подробными и точными сведениями о том, что эти убийства проводились гитлеровскими людоедами, и, несмотря на это, оно проводило и содействовало распространению среди болгарского народа через радио и печать пропаганды лжи о том, что якобы большевики, что якобы ГПУ убили в Виннице /Украина/

десятью тысяч своих противников, что они же расстреляли десять тысяч польских офицеров в Катынском лесу.

Целью этой пропаганды был подрыв братских чувств у болгарского народа к своей освободительнице - Советскому Союзу и оправдание предательской политики болгарского фашистского правительства.

Во-вторых, эта пропаганда преследовала цель убедить болгарский народ, что немецкие национал-социалисты "человечны" и являются носителями настоящей культуры в то время, как большевики, которые совсем не похожи на старых, вымерших уже русских, являются варварами и жестокими убийцами. Одним словом, нужно было этой пропагандой заставить болгарский народ прийти к заключению о том, что коль дела таковы, как их излагают по радио и в печати подсудимые архимандриты и Борис Коцев, которые были в Виннице, видели трупы убитых и поняли, что авторами этого злодеяния являются русские, то Германия справедливо воюет против Советского Союза. Тогда будет совершенно естественно, чтобы и болгарский народ принял активное участие на стороне Германии с тем, чтобы общими усилиями защищать культуру и цивилизацию Европы против азиатского большевизма.

Таким было сокровенное желание правительства Филова.

Если оно могло допустить на болгарской территории величайшую провокацию против Советского Союза, какой явилось открытие антибольшевистской выставки, на которой грубо и упрощенно фальсифицировалась действительность, почему же

не послать болгарских представителей в Катынь и Винницу? Надо ведь услужить своим берлинским хозяевам!

Г-да судьи! Как же дело дошло до инсценировки убийств в Катыни и Виннице? Позвольте мне напомнить вам об уже известных обстоятельствах, которые предшествовали второй мировой войне. Эти обстоятельства необходимо знать, ибо они об"ясняют цели и дают содержание давно задуманному гитлеровцами плану о массовых убийствах местного населения в Польше, Украине и других оккупированных немецкими войсками странах. Германия потерпела поражение в первой мировой войне. Но представители ее тяжелой промышленности, которые вдохновляли политических вождей немецкого народа к непрерывной экспансии, даже ни на один момент не отказались от старой мечты кайзеровской Германии о захвате почти всего мира и о включении его в германскую империю. Германские империалисты искали разрешения этой задачи в рамках новой политической формы управления, которая, сохраняя их господство, могла бы снова увлечь немецкий народ в военную авантюру.

Гитлеру удалось, получив субсидию от германской тяжелой промышленности, создать целое поколение, готовое разжечь новую мировую войну. Он создал СС"ские отряды, создал так называемую гитлеровскую молодежь, которую либо силой, либо путем обещаний сделать всех штурмфюрерами, взводными фюрерами, ротными фюрерами, отделил от семьи, одел ее в форму и создал для нее казарменный режим.

Эта молодежь воспитывалась в духе ненависти к другим народам. Ей внушалось, что немецкий народ является народом господ, народом-завоевателем и что другие народы, особенно славянские, являются низшими народами, историческая судьба которых заключается в том, чтобы они стали навозом для германизма. Вся наука особенно старательно фальсифицировалась: и история, и социология, и биология и проч. с тем, чтобы доказать, что немецкая раса - высшая. Был развернут огромный аппарат для пропаганды: радио, печать, лекции, кино, который отравлял и разлагал не научным, упрощенными мыслями мозги сотен тысяч и миллионов молодых людей.

При такой обстановке немецкие фашисты создали поколение, которому было предопределено пожертвовать собой ради целей германского империализма в новой военной авантюре. И нет ничего удивительного в том, что эта молодежь, предварительно притупленная, и которой было внушено, что она принадлежит к "богоизбранному немецкому народу", относилась к другим народам жестоко, по-варварски.

Гитлеризм, которому давал толчок немецкий империализм, самый дерзкий, самый свирепый, самый воинственный империализм, остался и в своей пропаганде и в своей практике до конца грубым и кровавым. Для него были позволительны все средства для борьбы с противником: и ложь, и обман, и фальсификация, и инсценировка. Никакие международные договоры, которые определяли положение раненых и пленных во время войны, никакие договоры о дружбе с со-

седними государствами, под которыми стояли подписи гитлеровских правителей, не имели для них никакой ценности, кроме, как ценности клочка бумаги, на котором они были написаны. Их рвали и затем гитлеровским полчищам давался приказ врываться на территорию соседних государств. Так было совершено нападение на Польшу, Югославию, Грецию, Бельгию, Голландию, Норвегию, так было совершено нападение и на Советский Союз: внезапно, авиацией, танками, артиллерией, быстроходными механизированными частями. На них обрушивались железо и огонь, разрушались города и села. А за этими варварскими и преступными полчищами, вооруженными до зубов, следовали не менее преступные гестаповцы, следовали СС-ские отряды, надменные и тупые, вселяющие ужас среди мирного оккупированного населения.

Начался неслыханный, беспримерный в истории, грабеж. Целые потоки грузовиков и автомашин, товарных и пассажирских поездов, по железнодорожным линиям, по автострадам, по шоссе, через поля и холмы, переправляясь через реки и болота, шли непрерывно с востока на запад, из Польши и оккупированных территорий Советского Союза к сердцу Германии. Увозились пианино, персидские ковры, библиотеки и целые музеи; награбленное имущество из многочисленных городов и сел; увозилась кожа, крупный и мелкий скот, фураж, вывернутые из цементных основ фабрик машины и машинные части и детали, даже вывернутые из колеи трамвайные рельсы; верхняя и нижняя одежда,

241

12.

а также обувь, чулки и галоши раздетого и убитого населения. И все это рассортированное по величине, по номерам, по качеству, уложенное, упакованное и дезинфицированное, выгружалось в определенных пунктах с тем, чтобы образовать основу немецкой военной экономики и сохранить от падения немецкую марку.

Параллельно с ограблением этих богатых стран, по определенному плану шло и уничтожение местного населения в оккупированных территориях. Во многих местах на Украине, в Польше, в Литве и других оккупированных территориях были созданы так называемые "комбинаты смерти", которые помещались в специальных постройках, разбросанных по многочисленным лагерям, как, например, в Майданеке, в окрестностях Львова, в Бельзене, Харькове и в других местах. Эти лагеря самими немцами назывались зловещим именем "Фернихтунгслагерь", что по-болгарски означает лагерь смерти.

В каждом из этих лагерей специальные команды СС-овцев и гестаповцев во главе с ротными фюрерами и под контролем гаулейтеров и губернаторов день за днем, месяцами и годами, без перерыва осуществляли методично и упорно тайный план немецкого правительства, Гитлера и его помощников. В этих лагерях умерщвление проводилось самыми различными способами: путем сжигания в печах, построенных для этой цели крематориев, путем голода, путем отравления газом "циклон", причем жертв предварительно забирали в бетонированные казематы, в которые

затем пускали газ; их расстреливали, рубили им головы, убивали их дубинами и железными прутьями, душили их руками, вешали на деревьях, на дверях, на лестницах и топили их в специально приготовленных бассейнах. Так погибло в одном лагере Майданек около 700 тысяч человек мужчин, женщин и детей. Все эти сотни тысяч человеческих трупов закапывались в глубокие рвы в районе самого лагеря. Но история в Катыни заставляет палачей подумать о том, чтобы замести следы своих кровавых преступлений. Строятся крематории, начинается усиленное выкапывание полусгнивших уже трупов и все это бросается в печи, превращается в прах, который закапывается в старые ямы. Однако, несмотря на большое старание палачей замести следы совершенных ими преступлений, осталось одно немое, но страшное доказательство, которое изобличает авторов беспримерного злодеяния. Советский писатель Константин Симонов в своей книге "Лагерь смерти" дает следующую картину: "За лагерем имеется еще один недостроенный блок. Здесь за колючей проволокой имеются только кирпичные основания. Стены еще не построены, до конца выстроен только один барак, в котором нет нар. В этом бараке не жили люди, но все же он стал самым страшным свидетелем всего того, что происходило здесь. Этот барак, длиной и шириной в несколько десятков метров, до половины высотой в 2 метра, наполнен по всей длине и ширине обувью убитых здесь за три года. Трудно сказать, сколько пар обуви имеется

здесь. Может быть миллион, может быть больше. Обувь не помещается в бараке, она выпадает из него, из окон и дверей. В одном месте под тяжестью обуви стена обвалилась вместе с кучей обуви. Здесь имеется все: и порванные русские солдатские сапоги и польские военные ботинки и мужская обувь, и женские туфли и резиновая обувь, и главное - что самое страшное - детская, тысячи пар детской обуви: сандалетам, туфельки, ботинки 10-ти летних, 8-летних, 6-летних и однолетних детей.

Трудно представить что-либо более страшное, чем это зрелище. Ужасное, молчаливое доказательство смерти сотен тысяч мужчин, женщин и детей. Если мы пройдем через эту кучу обуви в правый угол барака, то мы сразу об"ясним себе существование этого чудовищного склада. Здесь отдельно положены тысячи, десятки тысяч подметок, закройки, каблуки отдельно. Как и все остальное в лагере смерти, этот склад был устроен с утилитарной целью: ничто, принадлежащее убитым, не должно пропасть, - ни одежда, ни обувь, ни кости, ни пепел.

В Люблине,, в одном из крупных городских зданий находится последнее отделение лагеря. В десятках помещений, в десятках больших и малых комнат там устроен огромный сортировочный склад всего того, что снято с убитых. В одной из комнат мы можем увидеть десятки тысяч женских платьев, в другой - десятки тысяч брюк, в третьей - десятки тысяч комплектов нижнего белья,

244

в четвертой - тысячи дамских сумок, в пятой - десятки тысяч комплектов детской одежды, в шестой - бритвенные приборы, в седьмой - кепи и шляпы.

Я разговаривал с немецкими пленными, которые проходили мимо крематория, мимо рвов с трупами. Они отрицали свое участие. Они говорили, что это совершено не ими, что это совершено СС"овцами. Но когда затем допрашивали одного СС"овца, который работал в лагере, он, говоря о массовых убийствах, твердил, что это делали не СС"овцы, а СД, т.е. гестаповцы. Гестаповцы говорят, что это делали СС"овцы. Не знаю, что из них сжигал, кто из них просто убивал, кто снимал обувь и кто сортировал женское белье и детские платяца - не знаю. Но когда я смотрю на этот склад, я думаю, что нация, которая родила тех, кто совершал злодеяния, должна понести и понесет всю ответственность и проклятие за все, что совершили ее представители".

Так говорит Константин Симонов. Так говорит честный советский писатель, внутренний мир которого возмущен и потрясен до отвращения. И тысячи вопросов следуют один за другим: но неужели возможно, чтобы это было делом народа, который претендует на то, что он якобы охраняет европейскую культуру от осквернения, от уничтожения? Что он, якобы, охраняет ее от большевиков, от азиатов?

Кто может усомниться, что это дело, что страшные массовые убийства совершены не немцами? Советская армия с молниеносным натиском неслась вперед. Она заняла Львов

27 июля 1944 года, она заняла всю Галацию, в ее руки попали и страшные находки в Майданеке. Многие там стоят потрясенными, бледными, в немом ужасе. Ведь они все были до 22 июня 1941 года в этих же местах, они знают и помнят, что там, в окрестностях Львова, не было крематория, не было машин, подобных тем, которые ломают камни, для перемалывания человеческих костей; не было цементных казематов с чугунными дверьми; не было и складов с десятками, сотнями, тысячами и миллионами пар дамской и детской обуви и стольких пар нижней и верхней одежды! Не было и ям с толстым слоем пепла, образованного из сотен тысяч сожженных в печи человеческих тел.

Кому был нужен этот "комбинат смерти", с печами, с бассейнами, с цементными казематами, с виселицами? Русским? Когда же они успели заполнить огромные пространства лагеря Майданека многочисленными солидными постройками с казематами и крематориями? Когда они сумели соорудить многокилометровую ограду, обнесенную проволокой, по которой был пропущен электрический ток? Когда создали бассейны и когда привезли специальные машины для перемалывания человеческих костей, когда они сумели, когда у них было время для того, чтобы умертвить около одного миллиона человеческих существ? Когда они успели после того, как раздели всех своих жертв, отсортировать по качеству, по величине, по номеру, одежду, обувь, головные уборы? И почему они убивали детей и при том шестилетних, двухлетних и однолетних? Почему они умерщвляли французских, английских и американских

военнопленных, бельгийцев, голландцев, югославов, греков и чехов? Ведь все они союзники Советского Союза. Не ведут ли они вместе с ним борьбу против немецких оккупантов? Ну, хорошо, тогда кто автор? Сотни и тысячи распрошенных назначенной Советским Правительством Чрезвычайной Государственной Комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецких оккупантов свидетелей указывают с настойчивостью, не терпящей никаких возражений, что авторами массовых убийств являются немецкие фашисты. В сообщениях Чрезвычайной Государственной Комиссии, опубликованных в газете "Известия" от 23 декабря 1944 года и в газете "Правда" от 20 декабря того же года, мы находим следующее: /газета "Известия"/: только в Львовской области немецкими оккупантами убито около 700 тысяч человек, которые распределяются следующим образом: 200 тысяч мирных советских граждан убито в так называемом "Яновском лагере", более 140 тысяч - в лагере "Цитадель", более 200 тысяч расстреляно в Лисеницком лесу, более 130 тысяч - в еврейском гетто и другие тысячи подданных иностранных государств - в лагерях Львовской области.

В тех же сообщениях мы находим также показания многочисленных оставшихся в живых свидетелей. Эти показания важны для настоящего процесса, ибо рассказы этих свидетелей проливают обильный свет на аферу Натынь-Винница.

Вот что рассказывает один из них по имени Аш, быв-

244

ший заключенный лагеря: "Я лично видел как гауптштурм-фюрер СС Фриц Гебауер душил /значит руками/ женщин и детей, а зимой замораживал мужчин в бочках с водой. Он связывал руки и ноги жертвам и бросал их в воду. Обреченные оставались в бочках до полного замораживания".

Другие рассказывают, как комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вилхаус, просто для спорта и для развлечения стрелял из автомата с балкона своей канцелярии в заключенных лагеря, причем он давал свой автомат и своей жене, чтобы она также стреляла и "развлекалась". Он же, желая доставить удовольствие своей 9-ти летней дочери, приказывал, чтобы для него подбрасывали в воздух одно-двухлетнего ребенка, в которого он стрелял, а его маленькая дочь аплодировала и настаивала на том, чтобы повторить это страшное, это варварское "удовольствие". Тот же самый Вилхаус в 1943 году, когда Гитлеру исполнилось 54 года, выделил из среды заключенных 54 человека и лично расстрелял их.

Г-да судьи, многие скажут: это невероятно, это фантазия. Да, действительно, для культурного человека такая чудовищная извращенность - испытывать какое-то наслаждение от стрельбы в хрупкое тело двухлетнего ребенка - кажется не только невероятным, но даже не вяжется с нормальным порядком вещей и отношений. Однако для воспитанников Гитлера, для его озверевших последователей, пропитанных презрением и ненавистью к другим народам, это вполне нормально: иностранец ценится столько же, сколько и глиняный сосуд, который мож-

но спокойно подбросить в воздух и затем для спорта стрелять в него. Но мало того, что было сказано до сих пор.

Житель Львова - Халцман рассказывает специальной комиссии, что он лично видел, как СС"овцы привели группу из 20 человек в дом под № 8, находящийся на ул. Артышевского, в июле 1941 года. Эта группа состояла из адвокатов и врачей, среди них было и 4 профессора. Эти несчастные принуждались СС"овцами своим языком мыть лестницу и затем своим ртом выносить мусор. После того, как была лестница вычищена, СС"овцы вывели 5 человек из этой группы за город и расстреляли их.

Допрошенная этой же государственной комиссией свидетельница Киршнер показала, что гестаповский комиссар Венке поспорил с остальными палачами лагеря и держал пари, что он может одним ударом топора расщебить вдоль ребенка. Для этой цели он вышел на улицу, схватил случайно проходившего 10-летнего ребенка. Он заставил его стать на колени, убрал его руки, нацелился топором и действительно одним ударом рассек его. Наблюдающие гитлеровцы-палачи горячо поздравляли его и пожимали ему руку.

Казни немцы совершали под звуки музыки. Из самих заключенных они организовывали оркестр и заставили заключенного композитора Мунда сочинить специальную мелодию, которую они называли "Танго смерти". После ликвидации

ции лагеря немцы расстреляли и самих оркестрантов.

Из собранных Чрезвычайной Государственной Комиссией доказательств было установлено, что только в Яновском лагере немцы расстреляли более 200 тысяч мирных советских граждан. Свидетель Мантел показал перед той же Комиссией, что за 2 месяца немцы убили 60 тысяч заключенных лагеря, из которых 8 тысяч детей.

При раскопках судебно-медицинская комиссия установила, что большинство было убито типичным для немецких методов способом - выстрелом в тыловую область головы, в теменную область черепа, точно так же, как были убиты и десятки тысяч в Катыни и Виннице.

В октябре 1941 года по приказу СС"овского генерал-майора Кацмана во Львове было создано гетто, названное немцами "Юденлагер". В этом гетто находилось 136 тысяч евреев.

Вот что сообщило об этом гетто в своем письменном заявлении Французская подданная Ида Вассо, директор существовавшего до войны во Львове дома для престарелых и нетрудоспособных французов.

"С приходом немцев мы были убеждены, что произойдут убийства. И действительно, не прошло и 2-3 дней, как мы слышали стрельбу из автоматов, которая убедила нас в том, что убивают евреев, этих несчастных людей. Я имела возможность посетить гетто. Гигиенические условия были ужасные. Люди жили по 15-20 человек в одной комнате без воды и электричества. Дороговизна была ужасная, и,

как всегда, сила денег сказывалась. Несчастные были обречены на голод. Раз в неделю гетто посещалось гестаповцами, которые уводили часть людей в Белзец /Польша/, а других - к песчаному рву на расстрел. Осужденных уводили в одной рубашке, так как немецкие бандиты имели наглость снимать с них одежду и награбленное отправлять в вагонах в Германию. Маленькие дети были мучениками. Их предоставляли в распоряжение гитлеровской молодежи, которая делала из них живые мишени для стрельбы. Никакой пощады другим, все только для нас - таков девиз немцев. Весь мир должен узнать об этом методе. Мы, которые были беспомощными свидетелями этих возмутительных сцен, должны рассказать об этих ужасах для того, чтобы каждый знал о них, а главное, чтобы никто не забыл о них, хотя возмездие не вернет жизнь миллионам людей. Забыть об этом было бы изменой человечеству. Страдания советских, французских, английских, американских военнопленных должны быть отомщены. Помните об этом в течение всей своей жизни! - Ида Вассо Том".

Это не письмо, это страшный обвинительный акт против тех убийц, которые имели дерзость кричать "Держите убийцу!".

Дальше.

Французский военнопленный Лооф Клеман показал, между прочим, и следующее: "...За малейшую провинность нас ожидала смерть. Нам не разрешали пить воду. Мы голодали. Нам давали в день по 200 грамм хлеба, утром мы получали горячую воду с сосновыми иглами. Днем - суп, который часто представлял собой воду. Мы спали на полу. Всюду бы-

ли блохи и вши. Русские военнопленные тысячами умирали от голода и тифа... Ночью в Рава-Руской происходили убийства женщин и мужчин евреев. Целыми ночами строчили пулеметы. Утром, уходя на работу, я видел большое количество трупов, которых немцы даже не погребали".

"После падения Муссолини, - рассказывает полька Нина Петрушкова, которая служила переводчицей в итальянской команде "Ретрово Италияно", - фашисты потребовали, чтобы находящиеся во Львове итальянские солдаты дали клятву верности гитлеровской Германии. Многие отказались дать такую клятву. Все, кто отказался, были арестованы. Так было арестовано 2 тысячи итальянцев, которые были расстреляны немцами".

В 1943 году немцы были вынуждены под натиском событий - наступление Красной Армии к Галиции и Польше - принять меры к скрытию следов своих гнусных преступлений. По приказу Гимmlера и генерал-майора СС"овской полиции Кацмана нужно было выкапывать и сжигать трупы. Во Львове немцы создают специальную зондер-команду №1006 в составе 126 человек, которая выкапывала и собирала по 1200-1600 трупов в кучу, обливала их смолой и бензином и сжигала. Перел, полученный от сожженных трупов, просеивался для того, чтобы собрать золото из коронок от зубов убитых.

Бывший заключенный Яновского лагеря Л.А.Величенко показал буквально следующее: "Я работал в "Бригаде Смерти" по сожжению трупов с 6 июня 1943 года по 20 ноября того же года. За это время бригадой было сожжено 310

тысяч трупов, из которых около 170 тысяч в Яновском лагере и более 140 тысяч - в Лесинецком лесу, в это число вошли как трупы, которые бригада выкапывала из могил, так и те, которые не закапывали в землю, а непосредственно после их расстрела сжигали".

В газете "Правда" от 20 декабря 1944 года помещены сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о гитлеровских зверствах, совершенных в Литве. За период с июля 1942 года по июнь 1944 года в Литве было убито более 300 тысяч мирных граждан. Только в местности "Понара" в 8 км. от г. Вильно, немецкие изверги убили более 100 тысяч человек. "Начиная с июля 1941 года, - сообщает свидетель Станислав Степанович Сейнлоц, который жил при ж.д.станции "Понара", - в этот лагерь привозились и расстреливались группами по несколько сот человек. Когда привозили людей на грузовиках, я издали слышал их крики. Расстрелы производились почти ежедневно с утра до вечера и продолжались вплоть до освобождения Вильно Красной Армией". И там, в Литве, как и во Львове и в остальных лагерях, гитлеровские убийцы в 1943 году прибегали к быстрым мерам по сокрытию следов своих преступлений. Так, свидетель Матвей Федорович Зайдет сообщил комиссии следующее: "В декабре 1943 года нас заставили выкапывать и сжигать трупы. Вначале мы клали ряд дров. На них мы клали по 100 трупов в ряд, обливали их горячей жидкостью и снова клали человеческие трупы. Таким способом мы сжигали приблизительно по 3 тысячи трупов, облив их керосином. Так было сожжено более 100 тысяч трупов.

Через, так называемый, "Форт смерти" у Каунаса непрерывно, днем и ночью, проходили огромные команды военнопленных: русских, поляков, англичан, американцев и про-чих и затем: женщины, дети, мужчины, - часто насчитывающие по 4-5-6 тысяч человек. Все они планомерно и методично вводились небольшими группами по 100-200 человек в казематы форта и там в упор получали пулю в тыловую часть головы.

Свидетель Наудежюнас, бывший надзиратель форта № 9, показал: "Первая группа иностранцев в количестве 4 тысяч человек, поступила в Форт в декабре 1941 г. Я разговаривал с одной женщиной, которая сказала мне, что их привезли из России, якобы, на работу. 10 декабря 1941 г. началось уничтожение иностранцев... Все 4 тысячи человек иностранцев были расстреляны. 15 декабря 1941 г. прибыла еще одна группа в количестве 3 тысяч человек, которая также была уничтожена."

Для семей военнослужащих Красной Армии на территории Литвы немцы создавали специальные лагеря. Начальником всех четырех таких лагерей была назначена немка немка Елисабета Зеелинг. Она, как показали бывшие заключенные лагеря Козлов, Шабазва, Виглова, Лапочкина и др., не раз заявляла: "Вы мои рабы, я буду вас наказывать, так как мне хочется". Эта же немка прибегала к жестоким наказаниям и лично расстреливала заключенных лагеря.

То, что я вам сообщил, является лишь небольшой частью страшно больших размеров гитлеровских злодеяний. Миллионы человеческих существ погибли в оккупированных

областях: от пуль, от топоров, от железных прутьев, на виселицах, от ядовитых газов и от многих других способов умерщвления, которые применяли подлые, вероломные и утонченные садисты. Кто бы мог, прочитав эти документы Чрезвычайной Государственной Комиссии, подлинность которых бесспорна, ибо бесспорен факт, что эти миллионы человеческих существ умерли от насильственной смерти в период с июля и августа 1941 г. до середины 1944 г. в оккупированных в этот период немцами областях, - утверждать, что это не является делом гитлеровских зверей? А немые факты, а огромные склады с одеждой, обувью, головными уборами - являются ли они достаточным доказательством авторства, даже, если бы они являлись единственным доказательством? Где те миллионы человеческих существ, которым принадлежали все эти, так старательно рассортированные, предметы? И кто были эти несчастные люди? Разве только поляки и украинцы? Но ведь туда на лобное место гестаповцы, СС'овцы, фрицы и всевозможные Берты, Елисабеты, Лизы и пр.пр., посылали и чехов, и югославов, и французов, и англичан, и бельгийцев, и, главным образом, евреев из всех оккупированных областей Европы! Там, в Галиции, где-то в окрестностях Львова, погибли от руки подлых гитлеровских палачей и те 12 тысяч евреев из Фракии и Македонии, которых преступное правительство Филова-Габровского передало им через своего агента Александра Белева.

Где они? Возвратился ли хотя бы один из них?

Эти тысячи несчастных еще тогда, в 1943 году, были умерщ.

влены самыми различными способами в многочисленных "комбинатах смерти" в Галиции и на Украине. Если это утверждение неверно, если оно вымышлено, то почему же тогда немецкое правительство молчит? Почему оно не скажет миру где эти 12 тысяч евреев - мучеников? А бесспорным фактом является то, что их взяли, их погрузили в Ломском порту на баржи и увезли по Дунаю неизвестно куда. Другим фактом разоблачающим гитлеровских фальсификаторов и убийц является передача хорватских евреев немецким властям. Вот что сообщил болгарский полномочный министр в Загребе Иордан Мечкаров в одном своем доверительном докладе под №126 от 30 июля 1942 г., отправленном нашему министерству иностранных дел, соответственно премьер-министру: "В конце месяца было издано новое распоряжение о новой регистрации всех евреев и лиц, имеющих 50 или более процентов еврейской крови. Из этого распоряжения видно, что решено ликвидировать и последние остатки евреев здесь, после того как у всех евреев было отнято имущество, многие из них были отправлены в концентрационные лагеря, а другие бежали, не мало из них было убито, все синагоги были разрушены и т.п."

А в другой шифрованной телеграмме за № 202 от 23 октября 1942 г., отправленной царской миссией в Загребе тому же министерству иностранных дел, мы читаем следующее "По вопросу о выселении хорватских евреев в Восточную Европу между Хорватией и Германией достигнуто соглашение путем обмена нотами. Все евреи, не считаясь с их подданством, выселяются. Иностранные подданные передаются соответствующему государству, если это потребует его миссия.

Нет обусловленного срока. Выселение производится этапами и по областям по определению хорватских властей. За исключением небольшого количества ручного багажа, все имущество евреев, остается в пользу хорватского государства, которое в обмен за это выплачивает немцам приблизительно по 20 марок за голову. Передача производится в пограничных пунктах Земун, Осейк или Штейнбрюке."

Ясно, что хорватские евреи были переданы немецким гитлеровцам фашистским правительством Анте Павелича. Сколько было этих евреев, куда их отвезли - остается и до сих пор неизвестным. Но фактом является то, что они были переданы в немецких пунктах Земун, Осейк или Штейнбрюке, где теряются их следы. Можно только сказать, что судьба несчастного хорватского еврейства одинакова с судьбой фракийского и македонского еврейства. "Немецкие палачи и здесь молчат, ибо у них нет уже никакой возможности организовать новую пропагандистскую инсценировку, подобную инсценировке в Катини и Виннице. Вообще немецкий фашизм действовал так не только на Украине и в Польше. Его жертвы находятся не только там. Они имеются по всей Европе там, где ступала немецкая нога. В качестве палачей он использовал не только свои собственные кадры убийц, но и кадры фашистских организаций остальных оккупированных стран. Так, в доверительной докладной записке пресс-атташе болгарской миссии в Загребе Петра Лунгова, датированной 26 ноября 1942 года и адресованной министру иностранных дел, мы находим следующее: "После ликвидации партизанского движения во Фрушкаторе - ликвидации, проведенной, главным образом, немецкими вооруженными силами в августе сего года, в Срем прибыли

ушашские карательные отряды, которые предприняли жестокие репрессии против населения сербской национальности /православных/.... Репрессии проводились в отношении сравнительно мирного православного населения Сремских сел и городов... В то время как расстрелы производились только ночью, начиная с II часов вечера, могилы /общие могилы/ рылись днем. Для этой цели были мобилизованы все православные жители города. Эта мера коснулась и болгар, как православных. Мой собеседник, чтобы избавиться от этой неприятной работы /лица, которые рыли могилы днем, должны были зарывать расстрелянных ночью/ - нанял другого православного, русского Азарова.... Однако, спустя несколько дней Азаров явился к Стойчеву и сказал ему, что ни за какую цену он не может дальше производить эту работу, ибо он не может видеть картины расстрелов и закапывание трупов, так как часто зарывали полуживых людей, недобитых выстрелами из пулеметов. В Митровицах на территории православного кладбища было выкопано 6 громадных рвов - гробниц. В этих массовых гробницах было зарыто около 5 тысяч человек, в среднем по 800 человек в каждой. Перед своим прибытием в Митровицы, карательный отряд Томича был в Буковаре, другом важном центре Срема, где он развернул не меньшую деятельность, чем в Митровицах. В беседах, которые я имел в последние дни с домобранским офицером г.У., последний сообщил мне, что согласно достоверным сведениям, в Среме - во время карательной кампании осенью этого года - было убито 20 тысяч человек; в одном гор.Митровице число жертв составляло 6.700".

Это аутентичный и официальный документ, в котором никто не может сомневаться.

После всего сказанного до сих пор, кто же может утверждать, или даже подозревать, что убийство польских офицеров в Катынском лесу и 10-12 тысяч убитых в Виннице является делом русских?

Гда, народные судьи! Процесс, который предстоит вам рассмотреть, раскрывает инсценировку не только по данным сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии, но, главным образом, по собранным доказательствам по этому делу самым недвусмысленным образом указывающим на авторство и устанавливающим время убийств польских офицеров и жертв в Виннице. Чем вызван этот процесс?

В начале 1923 года немцы об^{х/}ъявили по радио и в печати, что какая-то их военная часть "случайно" открыла в лесной местности, отстоящей приблизительно в 14,5 клм от линии Краснибор-Катынь, общую могилу, в которой по приблизительному подсчету находится несколько тысяч убитых ГПУ польских офицеров, что уже с первых раскопок можно констатировать на основании обнаруженных вещественных доказательств, что речь идет о трупах польских офицеров, убитых выстрелом в тыловую область головы.

Разумеется, это было началом инсценировки, задуманной так, чтобы можно было приписать авторство Катыньского злодеяния Советскому Союзу. Однако, официальное разглашение было недостаточным для того, чтобы придать аутентичность немецким уверениям, что Катыньское преступление является делом русских. Для того, чтобы привлечь на свою сто

рону мировое общественное мнение, пришлось прибегнуть к авторитету видных представителей судебной медицины и криминалистики, устроить нечто вроде международного расследования. Была создана, так называемая, международная медицинская комиссия, участвовать в которой были приглашены представители Румынии, Венгрии, Словакии, Финляндии, Швейцарии, Бельгии, Дании, Италии, Франции, Голландии и Протектората. В этой комиссии должен был участвовать и представитель Болгарии, каковым был назван и послан нашим Министерством иностранных дел доцент по судебной медицине Софийского университета д-р Марко Марков.

Эту, так называемую, международную медицинскую комиссию привели на место - в Катинский лес. Было совершено вскрытие нескольких трупов; членов комиссии свели с двумя-тремя какими-то "свидетелями", которых немцы привели на место под стражей; затем, повели представителей в деревянный барак, где им показали различные документы, лежащие на витринах: удостоверения личности, повестки о призыве, записные книжки и т.п., обнаруженные по уверению немцев, конечно, в одежде вскрытых трупов и, наконец, на обратном пути, на каком-то аэродроме севернее Варшавы, по названию "Бела", в деревянном бараке немцы поднесли членам комиссии на подпись протокол о сделанных ими констатациях, который и был подписан.

Это по существу, все доказательства, которые немцы собрали вышеуказанным способом и которые они впоследствии использовали для широкой пропаганды.

Перед тем, как остановиться на протоколе, посмотрим, что говорит подсудимый д-р Марко Марков о массовых могилах, открытых в Катынском лесу и об обстановке, в которой нужно было проверить достоверность немецкого тезиса.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что еще в Софии, накануне выезда в Берлин, д-р Марко Марков усумнился в правоте немецкого тезиса, ибо от представителей требовали дать свое мнение о тысячах трупов и, вместе с тем, утверждали, что нет необходимости исследовать их, нужно только в короткий срок посмотреть, что "приготовлено" самими немцами. Это сомнение подсудимого д-ра Марко Маркова подтвердилось. Еще по прибытии в Смоленск на него произвело впечатление то обстоятельство, что представителей медицинской науки ставят в особую полицейскую обстановку, причем им буквально запретили самостоятельно ходить по городу без сопровождения немецкого военного лица. Это явилось первой предохранительной мерой, которую немецкие власти приняли для того, чтобы избежать всякой возможности сношений некоторых членов комиссии с местным населением. Нечистая гитлеровская совесть вообще боялась как бы случайно не достигло ушей иностранных представителей обвинение со стороны местного населения, что катынские убийцы - это те, кто с непревзойденным цинизмом издеваются над международным расследованием. На самое место, туда, в Катынский лес, немцы привели под стражей нескольких местных жителей, заявив, что это "свидетели". Эти свидетели под стражей, о которых никто ничего не знал, кто они, откуда они, почему они под стражей, сообщили венгерскому представителю проф. Орзошу, о котором сам Марков утверждает, что он пользовался особым вниманием со стороны немцев и что он один мог

свободно расхаживать по Смоленску, и даже делать снимки, что в течение ряда дней прибывали грузовики, нагруженные людьми, и что затем в лесу слышны были выстрелы. После краткого распроса эти "свидетели" были быстро отведены обратно конвоирующими их немецкими полицейскими.

А что в сущности видел подсудимый д-р Марко Марков в показанных ему рвах? Человеческие трупы, сложенные в ряд, как сельди. Первое, что бросилось ему в глаза было то, что эти трупы сохранились, обстоятельство, которое по словам Маркова определяет и время, когда последовала смерть. Согласно его утверждениям, смерть наступила менее, чем за 2 года. У д-ра Маркова уже тогда сложилось убеждение, что "Катынь" является немецкой работой. Никакие другие побочные доказательства не смогли его убедить, в том, что речь идет о преступлении, совершенном в то время, когда Катынский лес находился в советских руках; его не смогли убедить ни слова, приведенных под стражей "свидетелей", которых он даже непосредственно не слышал и которые были ему переданы проф. Орзошем; ни деревянный дом с витринами, где немцы выставили вещи и бумаги, якобы найденные в одежде убитых, ибо как пояснил сам д-р Марков такие вещи и бумаги могут быть и подложными; ни заключение специалиста некоего лесничего - немца, который установил /каким образом, этого никто не мог проверить/, что деревца над могилами были пересажены, причем на третий год; ни, наконец, мнение проф. Орзоша о каких-то отложениях кальция в черепе, по которым можно судить о давности наступления смерти.

Вообще вся обстановка, при которой проводилось рас-

следование: во-первых, настойчивое требование дать заключение в короткий срок, во-вторых, полицейская изоляция от местного населения, в-третьих, лишение медицинской комиссии инициативы, расследование проводила, якобы она, а на деле всеми заправляли немецкие власти/, в-четвертых эта предварительная подготовка "свидетелей" которые должны были говорить то, что им было приказано, в-пятых, стремление немцев создать "убеждение" у иностранных представителей с помощью "найденных" на трупах документов, в-шестых, это требование дать заключение о тысячах трупах в то время, как им дали возможность проинформировать вскрытие одного-двух трупов, - все это - как об"ясняет сам подсудимый д-р Марков - создало у него убеждение, что речь идет об инсценировке, добивающейся общественного подтверждения и подчеркивающей бессилие немцев найти "неоспоримые" доказательства того, что будто "Катынь" - дело русских.

Но не только подсудимый д-р Марков был убежден в том, что "Катынь" является инсценировкой. Такое же убеждение создалось и у некоторых других представителей судебно-медицинской науки. Так, д-р Гайек, чешский делегат, который непосредственно после посещения могильных рвов в гор. Катынь поделился впечатлениями с д-ром Марковым, буквально сказал последнему, что ни трупы, ни "предметы", которые им показали в деревянном доме, не подтверждают тезиса немцев, который остается недоказанным. А итальянский профессор Палмиери сообщил д-ру Маркову, что немцы недовольны протоколом, отредактированным медицинской комиссией, и что пришлось потребовать инструкции по телефону из Берлина, о чем Палмиери успел кое-

что узнать. Здесь мы находим и об"яснение того, почему редактирование протокола не было предоставлено всем иностранным представителям, которые после осмотра Катынского леса собрались, по словам д-ра Маркова, на конференцию под председательством немецкого генерала Голма и проф. Орзоша, а составление протокола было возложено только на немецкого врача Бутца и венгерского проф. Орзоша, и почему составленный таким образом последними двумя протокол, который был выработан в Смоленске, не был поднесен на подпись еще там, а подписание состоялось на изолированном аэродроме "Бела". Не подлежит никакому сомнению, что немцы старательно избегали того, чтобы редактирование протокола происходило в связи с прениями, развернувшимися на конференции, опасаясь неожиданных мнений, которые не гармонировали бы с их тезисом, и следовательно, противоречили бы инсценировке. Именно из таких соображений, придерживаясь тактики "совершенных фактов", предварительно протокол изготавливается внушающими немцам доверие и абсолютно послушными врачами Бутцем и Орзошем, которые свободно могли втиснуть в него "научное мнение", об"яснения и обстоятельства, как, например, сообщенные д-ром Орзошем его личные наблюдения об отложениях кальция на черепах и заключения специалиста о времени, когда были пересажены деревца, и затем этот же протокол был поднесен на подпись в обстановке, не терпящей никаких возражений. И очень правдоподобны об"яснения д-ра Маркова, что подписание протокола состоялось в присутствии многих военных лиц и в обстановке подавленного настрое-

ния. Сам он чувствовал, что над ним совершают насилие.

Вот как был создан и подписан этот, создавший столько шумихи протокол.

Какие, однако, констатации сделаны в этом протоколе? В нем говорится: "В период с 28 по 30 апреля 1943 г. комиссия состоявшая из видных представителей судебной медицины и криминалистики и других известных преподавателей судебной медицины в высших школах подвергла подробно научному исследованию массовые могилы польских офицеров в Катынском лесу, вблизи Смоленска". Как видите, в этом протоколе говорится о "подробном" научном исследовании массовых могил, которое было произведено в течение двух дней: Таких "подробных" исследований, однако, по утверждению подсудимого д-ра Марко Маркова, не было. Наоборот, Марков жалуется, что именно эта возможность у них отсутствовала, ибо им показали отдельные трупы и им дали возможность произвести по одному или самое большое по два вскрытия, и что за такой короткий срок невозможно сделать подробное научное исследование над тысячами трупов.

Далее, в том же протоколе говорится: "Комиссия опросила лично несколько местных русских свидетелей, которые между прочим подтвердили, что в марте и апреле почти ежедневно разгружались большие железнодорожные транспорты с польскими офицерами на расположенной недалеко от Катыни железнодорожной станции Гнездов°, откуда автомашины с заключенными направлялись к Катынскому лесу, причем этих заключенных больше не видели." Однако, такого опроса свидетелей, опять-таки по показаниям Маркова, комиссия не производила, а производил его

один д-р Орзош, который со своей стороны передал остальным членам комиссии свои впечатления от разговоров с указанными "свидетелями". Следовательно, комиссия не имела личного, непосредственного восприятия от этих показаний. Что сказали "свидетели" д-ру Орзошу, другу гитлеровцев, этого никто из них не проверил. Ясно, что этот пассаж также, как и первый, был втиснут врачами Буцем и Орзошем, которые редактировали протокол и, следовательно, приравнивали его так, чтобы он послужил неоспоримым доказательством правильности германского тезиса.

В-третьих, этот протокол содержит и следующий пассаж: "Обнаруженные на трупах документы /дневники, письма и газеты/ датированы с осени 1939 г. по март и апрель 1940 г. Последней, установленной до сих пор датой является дата русской газеты от 22 апреля 1940 г."

Но обнаружены ли эти документы на трупах в момент вскрытия их, или же они были подложены туда заинтересованной рукой, - этого не видно из протокола. Д-р Марков говорит, что когда комиссия прибыла на место, она нашла могильные рвы уже раскопанными и в них были положены в ряд, "как сельди" трупы убитых, а некоторые из них были извлечены и положены возле ям. Где же доказательства того, что документы не были подложены еще тогда, когда складывали трупы в ряд, когда предварительно их подготавливали для просмотра их комиссией? Впрочем д-р Марков, рассказывая об обстановке, при которой совершалось расследование, подчеркивает свое убеждение в том, что указанные документы подложены немцами. Но о том, что действительно мы имеем дело с подлогом документов, свидетельствует и другое важное обстоятельство. В том же протоколе, немного выше говорится: "Далее найдены были на трупах поль-

ские папиросы и спички, в некоторых случаях табакерки и коробка от папирос с надписью "Козельск" /название последнего лагеря для пленных, в котором находилось большинство убитых/.

Непосредственно после этой констатации следует прочитать показания какого-то русского Матвея Сахарева, помещенные на странице II, вышедшей на болгарском языке брошюры, озаглавленной "Выстрел в затылок", в которой помещен и протокол. В этих показаниях говорится буквально следующее: "С 1937 по 1941 г.г. я работал на железных дорогах, в частности, стрелочником на ст. Смоленск. В марте 1940 г. из Тамбовской области прибыли товарные поезда, к которым были прицеплены по 5-6 больших пассажирских вагонов. Два или три вагона из них были оставлены на товарной станции Смоленск в то время, как остальные были отправлены к отправной станции "Гнездово". Из провозных документов я мог заметить, что эти поезда, вернее эти пассажирские вагоны следовали по линии Рязань-Урал, через Козлов-Тамбов-Ельня на Смоленск. Как я узнал от обслуживающего эти вагоны персонала, арестанты следовали из Козельска /на ж.д. Рязань-Урал/. Там находился большой бывший монастырь, где помещались еще тысячи пленных".

Выходит, что на трупах тех польских офицеров, которые находились в лагере для пленных в Козельске, найдены польские папиросы и польские спички. Значит, взятые в плен советскими войсками польские офицеры, проехали более 1500 км до Козельска и затем столько же обратно до Катynи и все же не успели за это время выкурить польские папиросы

и израсходовать польские спички. Инсценировка, ложь этой констатации - очевидна. Она становится еще более очевидной, когда мы узнаем, бросив один только взгляд на географическую карту, что расстояние от Козельска до Смоленска, в окрестностях которого находится Катынь, составляет более 1200 км. Зачем нужно было Советской власти увозить пленных польских офицеров из Козельска в Катынь, лишь для того, чтобы убить их? Разве это убийство не могло быть совершено в окрестностях столь отдаленного Козельска и нужно было отвозить их так близко к польской границе и к месту расположения немецких войск?

Здесь я сошлюсь на допрошенного свидетеля д-ра Ивана Балканского, который позавчера перед вами в судебном зале, давая характеристику немецкой инсценировке, сказал, что дело касалось не какого-либо серьезного и научного исследования, а инсценировки, в которой достаточно артистов и режиссеров. Только режиссер не был очень хорошим - он что-то путал.

Дальше в том же протоколе мы встречаем и следующий пассаж: "Ряд черепов были подвергнуты исследованию в связи с известными изменениями, которые согласно исследованиям профессора Орзоша, имеют большое значение для определения времени наступления смерти. В данном случае речь идет об инкрустации нескольких слоев известкового туфа на верхнем слое уже глиноподобного гомогенизированного мозгового вещества. Подобные явления не могут наблюдаться на трупах, которые пролежали в гробу менее трех лет. В подобном состоянии находился, среди других, в очень выразительной форме и

череп трупа № 526, который находился в самом верхнем слое одной из больших массовых могил."

Это было, однако, мнением только проф. Орзоша, ибо никто другой из представителей в комиссии не был знаком с этим методом исследования, не проверял его, как это об"яснил доктор Марков и этот пассаж втиснут в протокол без прений.

Но самым существенным моментом в об"яснениях д-ра Маркова является то, что он останавливается на двух очень важных обстоятельствах.

В протоколе говорится, что череп, исследованный д-ром Орзошем, принадлежит трупу № 526. Однако, врачам для вскрытия были даны трупы, носящие номера после 800! Откуда д-р Орзош взял этот череп, когда трупа № 526 вообще не было на-лицо и может быть он был вскрыт гораздо раньше, когда не присутствовали ни д-р Марков, ни д-р Орзош?

Во-вторых, подсудимый д-р Михайлов сообщил д-ру Маркову и, кроме того, он сам подтвердил перед судом, что при составлении протокола о "Виннице", где д-р Орзош опять-таки присутствовал, вопрос об отложениях кальция на черепах вообще не поднимался. Отложения же кальция, согласно теории Орзоша следовало бы искать как раз при исследовании винницких "трупов", которые согласно немецкому тезису, пролежали в земле более пяти лет. Очевидно, трупы в окрестностях Винницы были настолько свежи, что д-р Орзош отказался применить свой метод исследования.

Таким же образом - как об"ясняет опять-таки Марков поступили и с мнением главного лесничего, находящегося на немецкой службе, - фон-Герфа, относительно молодых сосно-

вых деревьев, посаженных на массовых могилах, о чем следующим образом записано в протоколе: "Массовые могилы расположены в редких местах леса. Они совершенно выравнены и засажены молодыми сосновыми деревьями. Согласно полученным лично членами комиссии впечатлениям и показаниям привлеченного в качестве специалиста главного лесничего фон-Герфа, речь идет, по меньшей мере, о 5-летних сосновых деревьях, плохо развивающихся из-за тени от больших деревьев, будучи посаженными на этом месте три года тому назад."

Комиссия врачей не была знакома с вопросами, которые явились предметом заключения специалиста фон-Герфа, и, следовательно, не могли иметь место прения по незнакомому для врачей вопросу. Значит, заключение фон-Герфа не является также заключением комиссии, а является лишь заключением немецкого чиновника. Но независимо от этого, в то время, как возраст дерева можно определить по годичным кольцам на нем, нельзя определить давность пересадки, или же в лучшем случае, это трудно сделать.

В-третьих, подсудимый д-р Марков, утверждает, что мозг того трупа, который он подверг вскрытию, находился почти в сохранившемся состоянии. Если бы, поясняет д-р Марков, этот труп пролежал в земле более одного или полутора лет, мозг не сохранился бы, ибо медицине известно, что вообще мозг подвергается самому быстрому разложению. Помимо этого, при разрезе мускулов, последние имели красноватый цвет, а внутренние органы, кишечник и др., были хорошо очерчены и их можно было различить. Эти констатации согласно мнению подсудимого д-ра Маркова, свидетель-

ствуют о том, что речь идет о свежих трупах, которые ни в коем случае не могут датироваться с 1941 г.

Если все это так, то что же остается тогда от протокола профессоров-медиков? Если убрать "свидетелей", с которыми никто, кроме Орзоша, не разговаривал; если убрать предметы, которые, якобы, принадлежали убитым польским офицерам; если убрать пассажи о пересаженных деревцах и теорию об отложении кальция на черепах, - остается один голый и бесспорный факт, что на оккупированной немцами территории были убиты тысячи польских офицеров, но то, что якобы, эти убийства происходили в марте и апреле 1940 г., как это сказано в заключительной части протокола, - является голословным утверждением и стремлением перебросить авторство преступной гитлеровской власти на Советский Союз.

Несколько месяцев позднее, как об этом я говорю в своем обвинительном акте, немецкая пропаганда смонтировала аферу о "Виннице". Радио и печать снова затрубили, что в окрестностях этого украинского города немецкие власти открыли новые массовые могилы убитых ГПУ мирных украинских граждан. Их убийство якобы было совершено в 1937 и в 1939 году. Расстреляны были противники советского режима. Инсценировка вокруг "Винницы" очень напоминает Катынскую инсценировку: те же раскопки, те же специально подобранные свидетели, обнаруженные предметы, пересаженные деревца, профессиональные плакальщицы, те же судебные врачи, те же составленные на скорую руку протоколы и, наконец, банкеты, заявления и речи.

В "Виннице" в качестве болгарского представителя по распоряжению тогдашнего премьер-министра Филова, был послан

ассистент по судебной медицине д-р Георгий Михайлов. Но Бекерле потребовал, чтобы помимо судебного врача, были посланы и представители нашей общественности, как, например, врачи, журналисты, священники и др., повидимому в расчете на то, чтобы вовлечь в это дело больше людей, что придало бы немецкой инсценировке большую достоверность.

Первым выезжает д-р Михайлов, который сам участвует вместе с остальными иностранцами - врачами по судебной медицине, а затем отправляются и профессор Станишев, врачи д-р Койчев и д-р Балканский, архимандриты: Николай, Стефан, Иосиф, а также директор национальной пропаганды Борис Коцев.

Что рассказывает подсудимый д-р Г. Михайлов о своем посещении массовых могил в окрестностях "Винницы"?

История с первым подсудимым д-ром Марковым повторяется: опять через Берлин и затем самолетом в Винницу и оттуда к месту расположения массовых могил.

Так на сцену выходит тот же д-р Циц, на которого, как это было выявлено в ходе процесса, была, очевидно, возложена инсценировка Катыни, также как и Винницы - именно на этого сомнительного д-ра, который, по словам подсудимых, начал свою карьеру в цирках.

Немецкий врач д-р Вегнер, который водил иностранных представителей, показал им рвы с человеческими трупами. Около ям бродили крестьянки, о которых немцы рассказывали, что у них имеются погибшие близкие, причем некоторые из них даже утверждали, будто они узнали одежду на трупах своих близких. Но ни одна из этих крестьянок не указала, какую именно одежду они узнали, что она принадлежит убитым их близким, родным.

Сотни трупов, показанных иностранным представителям, находились в полуразложившемся состоянии, как это объясняет подсудимый д-р Михайлов, и невозможно было установить дату смерти, ибо около десяти вскрытий, которые были произведены, касались изменений лишь внешних органов, но по ним нельзя было установить давности трупов. Этого нельзя было установить и по "документам", датированным 1937 и 1938 г.г., которые немцы показали им и которые якобы были найдены на трупах, ибо никакие доказательства не указывали на то, что действительно эти документы найдены там.

Но подсудимый д-р Михайлов в результате непосредственно произведенных им наблюдений над трупами, остался убежденным, что они свежи и ни в коем случае не могли датироваться ранее года или полутора лет.

Однако, немецкую инсценировку разоблачает заседание комиссии, состоявшееся после обхода массовых могил, после вскрытия и после рассмотрения указанных "документов".

Прежде всего, это заседание представителей судебной медицины и криминалистики из европейских университетов, происходило под председательством д-ра Вегнера, представителя немецкого министерства народного здравоохранения.

На заседании был представлен на рассмотрение медицинский акт или протокол, составленный венгерским представителем д-ром Орзошем, известным по посещениям Катыни.

В этот протокол д-р Вегнер пытался втиснуть пропаган-

дистские пассажи о том, будто некоторые из жертв были погребены живыми. Подсудимый д-р Михайлов возразил против этого, что вызвало недовольство д-ра Вегнера. Почему д-р Вегнер так настойчиво хотел втиснуть этот пассаж? Ясно почему. Потому что немецкий тезис нельзя доказать ни на основании видимого состояния трупов, ни хирургическим ножом.

Вот что об"ясняет подсудимый д-р Михайлов: "Некоторые из членов комиссии начали вскрытие. Вскрытию подверглись десять трупов. Лично я не произвел самостоятельно вскрытия. Я считал, что это не будет содействовать выяснению вопроса о давности трупов, который был самым важным.

Профессор Дювоар из Парижа, очень старый профессор по судебной медицине, также не производил вскрытия. Его поведение было поведением неверящего человека, присутствующего на чем-то подстроенном."

Это утверждает Михайлов.

Становится очевидным, что д-р Вегнер, который хотя и не является специалистом по судебной медицине, все же был предварительно осведомлен о том, что вскрытие не может дать желанных результатов, т.е. не может помочь установить даты смерти. Именно по этой причине д-р Вегнер пытается втиснуть в протокол такие обстоятельства, которые придали бы немецким утверждениям об убитых ГПУ ^{людях} большую вероятность.

Но что больше всего приводит к провалу инсценировки - так это фальсификация заключительной части протокола. Как это произошло?

Подсудимый д-р Михайлов утверждает, что на заседании комиссии обсуждался вопрос о том, как редактировать заключение. Основной вопрос, который нужно было разрешить, это был вопрос о том, какова давность трупов. И поскольку по их состоянию нельзя было с точностью определить дату смерти, пришлось прибегнуть к побочным сведениям: опросы свидетелей, обнаруженные документы и проч., - о достоверности которых, по словам д-ра Михайлова, судебный врач не может высказываться. Но все же они согласились приписать в заключительной части протокола приблизительно следующий текст: на основании, главным образом, этих побочных^{сведений}, - распросов, документов, - можно было бы согласиться /значит, был употреблен условный термин "можно было бы", что особенно важно/ с тем, что давность трупов составляет около пяти лет. Это заключение, отредактированное таким образом, составляло часть рукописного протокола, составленного в одном экземпляре проф. Орловым и подписанного всеми представителями. Однако, впоследствии на сцене появляется другой протокол, написанный на пишущей машинке с подписями тех же представителей, подписями, которые, несомненно, подлинные.

В этом протоколе имеется также заключительная часть, в которой, между прочим, говорится, буквально, следующее: "Из показаний /рассказов/ близких и очевидцев, из найденных на трупах документов, также как и из описанного в вышеуказанном протоколе изменения трупов и в связи с обнаруженными побочными результатами видно, что убийства были совершены в 1938 г."

Разница очевидна. В то время, как в рукописном экземпляре существовало условное выражение "можно было бы принять", в напечатанном на пишущей машинке экземпляре это выражение заменено совершенно категорическими словами: "убийства были совершены в 1938 г."

Как же пришли к такому изменению текста заключительной части протокола, принятого на заседании и записанного в единственном рукописном экземпляре?

Ответ на этот вопрос мы находим в об"яснениях, которые дает подсудимый д-р Михайлов. Он об"ясняет, что протокол был составлен в рукописи еще в Виннице. Было решено, что д-р Орзош передаст на следующий день протокол - а он был в одном экземпляре - немецкому заместителю Министра народного здравоохранения.

После возвращения из Винницы представители иностранных государств посетили Министерство народного здравоохранения в Берлине. Они ждали у кабинета министра, где им сказали, что заместитель министра занят, спешит и поэтому нужно немедленно подписать протокол, написанный на пишущей машинке с соответствующим количеством копий для каждого представителя. Протокол и копии были подписаны. Вечером д-р Биркле, румынский представитель, сообщил ему /д-ру Михайлову/, что некоторые данные протокола отличаются от соответствующих данных, содержащихся в рукописном экземпляре. Он заметил это, когда подписывал экземпляры, напечатанные на пишущей машинке. Сразу же начали искать

д-ра Орзоша для того, чтобы сверить с рукописным экземпляром, но не могли его найти, оказалось, что он якобы пошел в гости к заместителю министра народного здравоохранения. Остальных же представителей немецкие органы власти спешно направили на соответствующие вокзалы с тем, чтобы они были готовы выехать на родину.

Становится очевидным, что протокол, который использовала немецкая пропаганда, подвергся подделке. Он является фальшивкой, достойной морального уровня гитлеровских убийц. Этот же протокол, однако, содержит в себе и другие неверные обстоятельства. В нем говорится о каком-то допросе свидетелей, которого Международная медицинская комиссия не производила. Говорится также о документах, которые были найдены при трупах и которые иностранные представители впервые увидели отсортированными в специальном помещении, а не "найденными" при самих трупах. Эти "документы" были собраны, как это объясняет подсудимый д-р Михайдов, немецкими полицейскими.

Ложь, фальсификация, инсценировка становятся еще более очевидными в свете показаний свидетелей д-ра Койчева и д-ра Балканского.

Эти два свидетеля, которые также посетили массовые могилы в окрестностях Винницы - говорят об инсценировке. Они также утверждают, что им показывали открытые рвы с трупами, и что там какой-то молодой человек объяснял им, как происходили убийства. Показали им и одежду убитых, раз-

вешанную на веревках. На свидетелей произвело впечатление то обстоятельство, что разложение трупов вовсе не соответствует такому длительному периоду, т.е. с 1937 по 1943 г. Это обстоятельство заставило обоих свидетелей усомниться в правоте утверждения немцев. Но это сомнение тут же превратилось в уверенность, что речь идет об инсценировке, когда им пришлось посетить музей найденных якобы на трупах вещей, среди которых находились и хорошо сохранившиеся документы и бумаги. На них произвело впечатление, что указанные документы, если бы действительно они находились в земле в течение такого продолжительного времени - целых пять лет - ни в коем случае не могли бы так хорошо сохраниться.

Независимо от этого, среди бумаг находились и такие предметы, которые, если принять во внимание их размер, ни в коем случае не могли находиться в одежде убитых, ибо, прежде всего, они не могли поместиться в карманах. Речь идет об одном портрете кабинетного формата, об альбоме картин и о других вещах.

Те же свидетели показывают, что состояние трупов было таково, что нельзя допустить, что они пролежали в земле около пяти лет. Их мышцы и кожа сохранились.

Во-вторых, внимание свидетелей привлек и другой факт. Около открытых рвов бродили какие-то женщины, которые плакали, а одна из них ломала себе руки. Однако на следующий день около ям не было ни одного живого человека.

Отсутствовали также и женщины. Но самым интересным во всей этой инсценировке были снимки, которые свидетели получили от немецких властей перед тем, как выехать в Болгарию. На одном из этих снимков, которые имели большую давность, была изображена та же женщина, которая так же плакала и ломала руки. Оба свидетеля приходят к совершенно правильному выводу, что речь идет о профессиональной плакальщице, которая всегда, когда прибывали иностранцы, являлась по приказу немецких властей у могильных рвов и начинала плакать и ломать себе руки.

Свидетель д-р Балканский в своих показаниях приводит и другой интересный факт: он спросил одну женщину, которая также ходила около ямы, но не плакала и не ломала рук, что было на этом месте до вырытия рвов. Она ему ответила, что раньше это был парк культуры и отдыха, а тихо на ухо она сказала ему, что до этого здесь было польское кладбище.

С такими же почти впечатлениями, что речь идет об инсценировке, покинули Винницу и трое подсудимых - архимандриты Стефан, Иосиф и Николай, а также и подсудимый Борис Коцев. Они буквально утверждают, особенно архимандриты Иосиф и Стефан, что из 100-тысячного населения Винницы, 70 тысяч были евреи, которых немцы убили, ибо, как они пояснили, трупы, которые они видели, находились в таком состоянии, что можно было заключить, что они имеют давность нескольких месяцев, но ни в коем случае не с 1937, 1938 и 1939 г.г., ибо они только начинали разлагаться.

Такого же мнения - что речь идет об инсценировке - придерживался и покойный проф. Станишев. Он также был в Виннице. В его письменных показаниях, данных во время предварительного следствия, между прочим, мы читаем следующее: "Я разговаривал с Балканским о виденном, а также с д-ром Койчевым. То, что мы увидели никак не доказывало, по крайней мере, нам правильности утверждений, выдвигаемых немецкой стороной."

Так говорил проф. Станишев, бывший председатель немецко-болгарского общества. Значит, инсценировка была настолько грубой, что даже один из лучших друзей немцев не мог умолчать об истине.

Итак, большие мастера инсценировки и пропаганды остались обманутыми в своих расчетах. Несмотря на большие возможности, которыми они располагали: оккупированная территория, терроризированное местное население, подставные свидетели, подложные документы, маскировка с пересадкой у могил деревцев, специалисты с предварительно подготовленными и проверенными заключениями, профессиональные плакальщицы, фальсификация протоколов и, затем, банкеты, бесплатные прогулки и пребывание в Германии; внушаемые всевозможными способами речи по радио и заявления в печати, - все это не помогло гитлеровским преступникам ввести в заблуждение общественное мнение и убедить его, что преступление в Катыни, что страшное массовое убийство невинных людей в Виннице является делом русских.

Подсудимые, которые находятся перед вами, свидетели

которых вы допрашивали, все вместе и единодушно разоблачают отвратительную инсценировку немецких убийц. Подсудимые Марков и Михайлов знают, что над ними не витает тень гестапо; нет и двусмысленных взглядов и выражений лиц, одетых в военные формы немецких полицейских, взглядов и выражений, за которыми скрывается определенная, реальная угроза, что если они не будут содействовать инсценировке, лжи и фальсификации, то тогда вряд ли они смогут добраться от Катыни, от Винницы, от Бялы и от Берлина до Болгарии. А другие подсудимые, прижатые к стене событиями, вынуждены также раскрыть перед вами правду о том, что убийцами мирных советских граждан в Виннице являются не органы ГПУ, а сами немцы.

Г-да судьи! Если желаете, я могу сделать перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 10 минут перерыва.

/После перерыва/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Заседание продолжается. Продолжайте, г-н народный обвинитель.

НАР.ОБВ.ВАЩАРОВ: Г-да судьи! Перехожу к определению вины каждого подсудимого.

Прежде всего я должен остановиться на подсудимом д-ре Марко Маркове, доценте судебной медицины при Софийском университете.

Каково его положение на процессе? Он обвиняется в том, что в качестве представителя Болгарии в, так называемой, Международной медицинской комиссии по расследованию массовых могил в Катыне, он подписал медицинский протокол от 30 апреля 1943 г., содержание которого мы уже рассмотрели, и тем самым он стал, хотя и невинным орудием немецкой пропагандистской инсценировки. Как известно, немецкая пропаганда использовала этот протокол против Советского Союза, против страны, с которой Болгария находилась в нормальных политических отношениях.

Как объясняет подсудимый свое участие в афере "Катынь"?

Прежде всего, он не участвовал добровольно в комиссии. Его отъезд состоялся по специальному приказу тогдашнего премьер-министра Филова. Все усилия подсудимого отклонить приказ об отъезде наталкивались не только на сопротивление, но и на предупреждение, что правительство найдет средства, чтобы заставить его принять участие в комиссии.

Верно ли это утверждение подсудимого Маркова? Да,

вполне верно. Оно сходится и с показаниями свидетелей.

Верно также и то, что он, при проведении вскрытия одного трупа в Катынском лесу, сознательно оставил свой медицинский акт без заключения. Другими словами, в этом акте подсудимый нигде не говорит и не ставит вопрос о давности наступления смерти. И эта констатация была самой существенной, ибо как раз это решает вопрос и об авторстве злодеяний, совершенных в Катынском лесу.

В книге "Катынь", /немецкое издание/, помещены все акты о произведенных вскрытиях, среди которых находится и акт д-ра Маркова. Действительно, этот акт составлен и подписан без заключительной части.

Как, однако, объясняет подсудимый то обстоятельство, что он поставил свою подпись под общим протоколом?

Этот протокол, согласно его объяснению, был составлен д-ром Орзошем еще в Смоленске, но его подписание состоялось на отдаленном и изолированном аэродроме, по названию "Бяла", причем в присутствии военных лиц и полицейских. Подсудимый утверждает, что подписание протокола происходило в тяжелой обстановке. Он сам, будучи убежден, что все, что делается вокруг аферы "Катынь", является очевидной инсценировкой, был охвачен чувством, что над его волей совершается насилие и что, если он не подпишет, он вряд ли вернется в Болгарию.

Правдоподобны ли эти объяснения? Я считаю их вполне верными. Эти объяснения оправдываются поведением подсудимого, как во время посещения им Катынского леса, так и впоследствии, после его **возвращения** в Болгарию. Он

систематически отказывался сделать заявления в печати и по радио. Он отклонил приглашения немецкой миссии об устройстве бесед в Софии и в провинции, хотя бы для своих коллег - врачей. Он не поддавался ни настояниям Министерства Иностранных Дел, что он должен в этом направлении поддержать немецкий тезис. Для него верно обратное: еще с самого своего возвращения он, по словам свидетелей, поделился своими впечатлениями со своими близкими и буквально подчеркнул, что случай в Катыне является инсценировкой, и что убийства в Катыни является делом немцев.

Но то, что имеет самое большое значение для положения подсудимого д-ра Маркова в процессе, это отношение немцев к нему. Он был нежелателен для них. Когда встал вопрос о том, кого послать болгарским представителем в Винницу, Бекерле специально подчеркнул это отношение перед свидетелем К.Сарафовым.

В этой фактической обстановке, которая выявилась во время судебного следствия, и в связи со светом пролитым допрошенными вами свидетелями, я не нахожу, что в отношении подсудимого д-ра Маркова имеется наличие условия, предусмотренные ст.2 п.п.2 и 10 Указа - закона о предании народному суду виновников и пр., потому что в данном случае нет активного и существенного содействия в проведении политики бывшего правительства Филова, политики не совместимой с обязательствами нашей страны, как нейтральной по отношению с Советскому Союзу.

Следовательно, я считаю, что он не несет уголовной ответственности, и поэтому, я вынужден снять свое обвинение против него.

Но, хотя подсудимый не несет уголовной ответственности, по моему мнению, он несет моральную ответственность по отношению к болгарскому народу. Правда, времена были страшные и подлые, но когда болгарские сыновья находили в себе смелость, доходящую до самопожертвования, бороться против преступного режима, подсудимый д-р Марков должен был бы проявить большую доблесть и ценой его увольнения со службы, даже ценой большего личного страдания, он должен был отказаться поехать в Катынь также, как он нашел в себе смелость после своего возвращения отклонить все приглашения для проведения бесед и дачи заявлений.

Перехожу ко второму подсудимому - д-ру Георгию Минчеву Михайлову, ассистенту судебной медицины при Софийском университете.

Его положение на процессе такое же. И он должен был поехать по приказу в качестве болгарского представителя в, так называемую, Международную комиссию по расследованию массовых могил в окрестностях Винницы /Украина/ причем, по той причине, что заведующий кафедрой по судебной медицине - д-р Москов не мог поехать, так как не владел немецким языком, а д-р Марков, - доцент при той же кафедре не мог поехать как нежелательная уже для немцев личность; из-за отсутствия другого, этот приказ правительства коснулся д-ра Михайлова. И он, также как и д-р Марков, едет в Винницу с

с неудовольствием. И он также не делает никаких заявлений ни по радио, ни в печати. Упорное молчание этих двух врачей явилось, несомненно, указанием на то, что они целиком отрицают немецкий тезис об авторстве массовых убийств в Катыни и в Виннице.

Но д-р Михайлов подписал протокол с датой 15 июля 1943 г. в заключительной части которого пишется: "Что убийства были совершены в 1938 г."

Немецкая пропаганда использовала этот протокол. Именно по этой причине сегодня д-р Михайлов находится на скамье подсудимых. Когда нужно было решать вопрос об его привлечении к ответственности, определенной законом, я имел в виду и его об"яснения, данные на предварительном следствии по вопросу о подписании рукописного экземпляра протокола и затем - о подписании других экземпляров, отпечатанных на пишущей машинке. Но тогда у меня не было еще должного убеждения в том, что его утверждение о совершенной подделке соответствует действительности, причем из-за недостатка побочных доказательств, которые имели бы соответствующий вес и решили бы вопрос о правдоподобности этого его утверждения. Однако, на судебном заседании были установлены и другие обстоятельства, - а именно, что д-р Михайлов действительно отрицательно относится к немецкому тезису; что для него афера "Винница" представляла собой инсценировку, и что он делился этим своим убеждением со своими близкими. Эти обстоятельства оформили у меня убеждение в том, что вполне правдоподобны и заслуживают доверия

его об"яснения о способе, которым его вынудили поставить свою подпись ^{Тогда} перед кабинетом немецкого министра здравоохранения, на экземплярах протокола, напечатанных на пишущей машинке, с измененным в заключительной части текстом, не соответствующим тексту, принятому до этого в рукописном экземпляре.

Следовательно, я считаю, что для него тоже отсутствуют условия, предусмотренные ст. 2,9.9. 2 и 10 того же закона, ибо нет налицо, как этого требует закон, деятельного и существенного содействия. По этой причине я снимаю свое обвинение и против него.

Но я должен сделать тот же упрек и этому подсудимому упрек в том, что у него не хватило доблести отказаться от поездки даже с риском подвергнуться жестоким санкциям, что зато возвысило бы его в глазах всего народа, который дал и продолжает давать тысячи доказательств того, что он умеет ценить и защищать своих достойных сыновей.

Перехожу ко второй группе подсудимых: архимандритам Стефану, Николаю, Иосифу а также к подсудимому Борису Коцеву.

Каково их положение на процессе? Оно коренным и существенным образом отличается от положения подсудимых д-ра Маркова и д-ра Михайлова. Положение, которое занимали эти подсудимые, первые трое, как архимандриты, и последний, как директор национальной пропаганды, являлось гарантией того, что, если бы они отказались принять немецкое приглашение посетить Винницу,

то этот отказ, не привел бы к опасным последствиям для них. Нет оснований считать, что подсудимые отказывались от поездки. Правда, архимандрит Иосиф и Борис Коцев объясняют, что они пытались отказаться, но впоследствии были вынуждены подчиниться. Даже, если принять за чистую монету это их утверждение, то этот отказ не был искренним потому, что внутреннее отношение четырех подсудимых к войне между гитлеровской Германией и Советским Союзом было таково, что они с радостью приняли приглашение.

Я здесь делаю оговорку в отношении подсудимого архимандрита Иосифа, деятельность которого я рассматриваю отдельно.

Подсудимый Борис Коцев проявил себя в прошлом, как злостный противник Советского Союза и ярый приверженец фашизма. Здесь аппарат пропаганды Болгарии находился в ^{его} руках. Задача этого аппарата заключалась в том, чтобы разносить по всей стране немецкую пропаганду, которая в некоторых случаях, для большего удобства, выступала под видом чисто Болгарской. Эта пропаганда, направленная исключительно против Советского Союза, Англии и Соединенных Штатов, проводилась упорно и с исключительной наглостью: по радио, в печати, в газетах и журналах, в брошюрах, речах и беседах, которые часто афишировались как "научные". Сыпалась ругань на великие демократические государства и на Советский Союз, которые назывались варварами и гангстерами; возвеличивалась гитлеровская Германия и ее фюрер, которого хотели навязать болгарскому народу чуть ли не как национальное знамя. Та же самая немецкая пропаганда, которая для ~~прикрытия~~ прикрытия

называлась "национальной пропагандой", помогала фашизированию болгарской молодежи по гитлеровскому образцу.

Если принять во внимание все то, что я сказал о подсудимом Борисе Коцеве, нельзя считать верным, что он поехал в Винницу по долгу службы, и что его заявления также имели "служебный характер".

В № 7231 от 7 августа 1943 г. в газете "Зора" мы находим следующие заявления, озаглавленные: "Страшные находки на Украине".

Вот что буквально говорится там: "На пресс-конференции директор национальной пропаганды г-н Борис Коцев поделился своими впечатлениями о виденном им в Виннице.

Отличает случай в Виннице от случая в Катынском лесу, то, что в то время, как у Катыни были убиты польские офицеры, военнопленные, в Виннице жертвами являются русские - украинцы из среды самого местного населения. Специальная международная комиссия по расследованию, составленная из специалистов по судебной медицине, после множества вскрытий и исследований, констатировала в протоколе, как время, которым датируется убийство, так и способ, которым оно было совершено.

Местность, на территории которой были убиты и похоронены жертвы, находится непосредственно вблизи ст. Винница. Здесь, согласно показаниям местного населения, в 1938-1939 г.г. был устроен лагерь, окруженный высоким и неприступным забором. В нем содержалось много украинцев, главным образом, рабочих и крестьян.

Поводы для ареста были самые различные, чаще всего таким таким поводом было нахождение, во время массовых обысков, различных религиозных предметов и книг или же писем, хотя и с самым невинным содержанием, исходящих из заграницы.

Вслед за этим арестованные исчезали, а их близким сообщалось, что они сосланы в Сибирь на 10 или 15 лет. По существу же их ликвидировали на месте самым жестоким способом. Как устанавливает судебно-медицинский протокол, им связывали руки за спину и убивали их двумя или тремя выстрелами в упор в затылочную область головы из мелкокалиберного почти беззвучного пистолета. Убитых бросали и зарывали по 50-100 или 200 человек в огромные общие могилы на поверхности которых впоследствии посеяли траву так, что после ликвидации лагеря спустя год, на месте не оставалось никаких видимых следов совершенного массового преступления. На этом месте палачи устроили, так называемый, "Парк культуры и отдыха". Были устроены детские качели, карусели и танцевальные площадки с тем, чтобы на могилах несчастных жертв забавлялись их собственные дети и родственники.

Массовые могилы разрываются постепенно в присутствии приглашенных комиссий из почти всех европейских стран. Обезображенные и разложившиеся трупы очищаются, после чего происходит опознание. Родственники жертв узнают их чаще всего по некоторым случайным приметам: особенное построение зубов, физический недостаток или еще сохранившиеся части одежды. Нередко на жертвах находят кое-какие документы-заметки, письма или самый приказ об аресте.

Бесконечное множество женщин, детей и даже мужчин бродят по этому зловещему месту с надеждой узнать в каком-либо из извлеченных трупов своего близкого, которого до сих пор они считали сосланным в Сибирь. До сих пор извлечено более 5 тысяч трупов и судя по открытым следам могил, считают, что на этом месте будет найдено не менее 10 тысяч трупов.

Действительно, Винница является жестоким предупреждением для всех европейских народов".

Вот какие "служебные" заявления делал подсудимый Б.Коцев.

Но был ли он сам убежден в правдивости своих собственных заявлений в тот момент, когда он их делал? Ответ на этот вопрос мы находим в его собственных показаниях: Он не был убежден в этом. Наоборот, Борис Коцев возвращается в Болгарию с другим убеждением, а именно, что злодеяния, совершенные в окрестностях Винницы, не являются делом Советской власти. Почему же тогда он сделал эти в достаточной степени грязные заявления?

Очень просто, - он сделал это сознательно, злоумышленно, с целью уязвить Советский Союз, чтобы оказать услугу преступной немецкой пропаганде. И поэтому он предпочел обманывать болгарский народ.

Другой подсудимый - это архимандрит Николай, ректор Семинарии; учитель, воспитатель молодых поколений, которые под его руководством становятся священниками, идут в народ, чтобы учить его человеколюбию, говорить правду и относиться к подобным себе, как к настоящим людям. Однако, архимандрит Николай не интересуется вопросами народнического воспитания болгарской молодежи. Он интересуется фашизмом; у него вкус к диктатуре, к мракобесию, к угнетению. Но этот поклонник Гитлера, национал-социалистов, которым он добровольно предлагает свои услуги, чтобы поехать в Винницу, иногда вспоминает и о Христе. Он лицемерно становится в позу защитника свободы личности, проповедника любви и "благочестия". Он пишет статьи по политическим и философским вопросам. Одна из таких статей помещена в журнале "Идеи и дела", год изд. I-й, кн. I от 1943г.

"озаглавленная" "Две системы - два мира". В этой статье мы находим такие перлы: "В течение 23 лет Россия является опытным полем для применения большевистской идеологии. Лозунги, во имя которых была начата революция - свобода, братство и равенство, были бесстыдно растоптаны. Вместо свободы - черное духовное и физическое рабство; вместо братства - неслыханный террор и убийства; вместо равенства - вопиющее неравенство. Те, кто имеет власть, живут в роскоши, а простой народ - голодает и терпит лишения. Так, по крайней мере, рисуют нам положение в Советской России все те, кто собственными глазами имел возможность на самом месте увидеть "красоты" большевистского "рая" и вкусить его "сладость".

А далее: "Оружием большевизма является ненависть, зло-вредная пропаганда, убийства". Вот каково отношение этого подсудимого к огромной стране, к такому великому событию, каким является русская революция. Не понимая смысла истории, не имея честного отношения к вещам и событиям он, пристрастно, недобросовестно поддается клевете, плоским измышлениям самых заклятых врагов Советского Союза, чтобы доказать свой злобный тезис о том, что в этой великой стране настоящей свободы, братства и человечности, якобы, ширится террор, убийства и неравенство. Вы слышали, как этот подсудимый ответил на заданный ему вопрос: откуда он взял данные, материал для своей статьи; на основании чего он пришел к заключению, что в Советском Союзе имеется террор, имеются убийства, имеется вопиющее неравенство. Он ответил, что так говорили. Вот что явилось источником для этого ректора учебного заведения: улица, сплетни, измышления,

клевета. А у него была неукоснительная обязанность, проистекающая из занимаемого им поста, внушать своим воспитанникам, что исследование любого исторического события, любого общественного проявления, должно основываться на фактической правде и научной объективности.

Поэтому совсем неудивительно то, что такой человек, как он, с такой идеологией, с таким ненаучным отношением к вещам и фактам, становится сознательным проводником такой фальсификации, такой инсценировки, какой является афера в Виннице.

Вы слышали его об"яснения. И он, как и все остальные подсудимые, считает, что Винница является делом русских, что является инсценировкой, что это не вся обстановка отрицает эту возможность, что там, в Виннице, местное население встречало их холодно, враждебно, что во всей этой истории что-то хромает, что тут что-то подстроено, подделано, что многие вещи оставались неясными, невыясненными и, несмотря на все это, вопреки фактам, подсудимый архимандрит Николай согласился клеветать на Советский Союз, говорить о большевистских зверствах по радио-Донау, на банкете в Берлине, перед учеными, отдыхающими в Рыльском монастыре.

Перехожу к подсудимому архимандриту Стефану. Его положение на процессе ничем не отличается от положения архимандрита Николая. Он едет в Винницу, правда, по распоряжению Святого Синода, но это обстоятельство не имеет значения для определения его вины. Подсудимый говорит о множестве трупов. Он с твердым убеждением подчеркивает, что немецкий тезис об авторстве массовых убийств не доказан, ибо: во-первых, трупы не настолько разложились, чтобы показывать давность нахождения трупов в земле свыше пяти лет; наоборот, давность этих трупов составляла

год, самое большее, полтора года. Во-вторых, ассортимент предметов, которые по утверждению немцев, были найдены в одежде убитых, постоянно менялся, в соответствии с профессиональным интересом иностранных посетителей. В-третьих, около массовых могил бродили профессиональные плакальщицы, очевидно, подставленные немцами и, в-четвертых, верхняя и, главное, нижняя одежда, выстиранная и вывешенная на веревках, была совершенно сохранившейся. Это убеждение подсудимого, однако, вовсе не мешало ему предоставить себя в распоряжение немецкой пропаганды путем дачи заявлений о большевистских зверствах в Виннице по радио-Донау, с амвона и в газете "Целокупна Болгария". Ибо подсудимый архимандрит Стефан, который возвращается из Винницы с убеждением, что массовые убийства являются чисто немецким делом, не сказал правды болгарскому народу, а предпочел обманывать его, если же нельзя было поднять завесу, то почему он не молчал, как это сделали подсудимые Марков и Михайлов? Для меня мотив, внутреннее побуждение совершенно ясны. Архимандрит Стефан является, прежде всего, противником Советского Союза. Еще в 1938 г., будучи иеромонахом в Тырнове, он открыто выступает с враждебной позиции против Советского Союза. Он пишет статью очень злобную, под заголовком "Живой ужас", которую помещает в газете "Тырновский епархиальный вестник". В этой статье выражено отношение подсудимого к Советскому Союзу. В ней мы находим следующие пассажи: "... Сталин угнетает святую русскую землю гораздо более жестоко и с большей тиранией, чем Иван Грозный и

татарские ханы", И далее: "Бесчеловечие и бесчестность в режиме нового азиатского диктатора, которых страшится современное культурное человечество, происходит от безбожия диктатора и его партии". У меня нет никакого желания спорить с этим подсудимым по тому, что, с одной стороны, рамки процесса не позволяют мне делать это, а, кроме того, его, процесса, задачей и целью являются не спор, а раскрытие и доказательство отвратительной инсценировки; с другой стороны, эта статья внушает только чувство омерзания к ее автору, а не желание спорить, ибо болгарский народ в своем огромном большинстве знает, где истина, но он не нуждается в том, чтобы отравлять свой мозг ложью и измышлениями таких пастырей, которые в своей беззастенчивости не пощадили даже имя и престиж болгарской христианской церкви.

Для меня совершенно ясно, почему архимандриты Стефан и Николай со своим предубеждением и ненавистью к Советскому Союзу согласились выехать в Винницу. Конечно, они это сделали не следуя монашескому послушанию и не потому, что было нужно ознакомиться с состоянием украинской христианской церкви, а для того, чтобы увидеть результаты совершенных в окрестностях Винницы зверств и затем широко злословить против Советского Союза. Я глубоко уверен, что этими двумя архимандритами овладело истинное разочарование, когда на самом месте у массовых могил они поняли, что дело касается не русских, а немецких зверств.

Когда я говорю об их отношении, об их ненависти

к Советскому Союзу, я не хочу создать впечатление, что пытаюсь найти какие то, усиливающую их вину обстоятельства, которые выходят за рамки процесса. Я признаю, что не должен злоупотреблять правами, данными мне, как обвинителю, и что я должен искать и указать суду виновные деяния, которые тесно связаны или которые непосредственно вытекают из, так называемой, аферы "Винница". Если я остановился на их личном отношении к Советскому Союзу, на том, что они писали о нем, то я это сделал для того, чтобы указать суду на скрытые, но настоящие мотивы, которые заставили подсудимых говорить болгарскому народу как раз обратное тому, что они видели в окрестностях Винницы.

Какова же вина подсудимых Бориса Коцева, архимандрита Николая и архимандрита Стефана?

Их вина сводится к тому, что они умышленно, зная истину об афере "Винница", стали добровольными и сознательными орудиями чуждой болгарскому народу пропаганды, конкретнее, немецкой пропаганды, которая была направлена против Советского Союза, как путем заявления по радио и в печати, так и путем устных заявлений, которыми советской власти приписывались массовые злодеяния, совершенные в окрестностях Винницы, помогая бывшему правительству Филова в проведении его политики, противоречащей об"явленному Болгарией нейтралитету.

Об"яснения этих трех подсудимых, что они были поставлены в такое положение, которое исключало возможность отказа и что над их волей было совершено насилие,

не снимает с них вину, ибо фактически это утверждение себя не оправдывает. Возражение архимандритов Николая и Стефана, что у них не хватило смелости отклонить приглашение некоего Памукчиева передать по радио-Донау свои впечатления о Виннице, сопоставленное с объяснением другого подсудимого-д-ра Маркова, что у него хватило смелости отклонить такое же приглашение - делает это возражение несерьезным.

Точно также нельзя считать серьезным и возражение Бориса Коцева, что его заявления, сделанные журналистом и предназначенные для болгарской печати, редактировались бывш. министром внутренних дел.

Если бы подсудимые хотели сохранить честное отношение к болгарскому народу, они всегда имели полную возможность без особого риска сделать это. Если архимандрит Стефан нашел в себе смелость, по словам свидетеля Трифона Кунева произнести зимой 1944 г. с амвона церкви в с. Желяева более твердые, более оппозиционные слова, то несомненно он мог бы заставить себя молчать в Скопле.

Такие же возможности имели и архимандрит Николай и Борис Коцев. И никакой нажим со стороны власти, со стороны их непосредственных начальников, а тем более со стороны безответственных элементов, не может их извинить. Они остаются виновными перед болгарским народом и должны понести то наказание, которое по своему размеру должно соответствовать величине их вины.

Вы, г-да народные судьи, во власти определить как размер их вины, так и размер наказания. Но когда вы будете определять последнее, оно не должно превышать размер среднего наказания, предусмотренного Указом-зако-

ном о предании народному суду и пр. в отношении всех трех подсудимых: Бориса Коцева, архимандрита Николая и архимандрита Стефана, наоборот, этот размер должен быть ниже среднего наказания.

Мои соображения следующие: все трое подсудимых признали свою вину перед Народным судом. С другой стороны они вместе с остальными подсудимыми, дали суду всю возможность раскрыть отвратительную и беспримерную в истории инсценировку, задуманную и проведенную немецкими фашистами. Эти два обстоятельства имеют такое значение, что они сразу указывают, что надо уменьшить размер наказания.

На последнем месте я оставил подсудимого архимандрита Иосифа. Я отделил его потому, что данные по делу рознят его от остальных трех подсудимых. Он также ездил в Винницу по распоряжению Святого Синода, он также возвратился с убеждением, что убийства не были совершены советскими властями. И он также, как и остальные два архимандрита, встал у аппарата радио-Донау для того, чтобы записать на пленку свои впечатления. Но разница между ними и остальными тремя подсудимыми - Николаем и Стефаном также как и Борисом Коцевым - заключается в том, что в то время, как последние трое после их возвращения в Болгарию говорили о большевистских зверствах в окрестностях Винницы, он, подсудимый архимандрит Иосиф, заставил себя молчать. Даже в своем докладе Святому синоду он избегал говорить о Виннице. Эти два факта, установленные доподлинно, создают для него другое положение на процессе. Его молча-

ние после возвращения в Болгарию - является указанием на то, что он опомнился и что он осознал, что совершил бы большое бесчестие, если бы продолжал делать заявления, которые противоречили бы его убеждению. Это его поведение, до некоторой степени, смягчает его вину, состоящую в том, что он поддался преступному настоянию в Берлине, чтобы записать и его заявления для немецкой пропаганды.

Учитывая все то, что я сказал о подсудимом архимандрите Иосифе, уважаемый суд должен найти достаточные мотивы, чтобы справедливо и об"ективно оценив степень его виновности, определить ему совсем небольшое наказание.

Г-да судьи! Ваш приговор, который будет издан на первом, в своем роде, процессе, имеющем большое международное значение, должен быть об"ективным. Вашим приговором будет доказано, насколько велика разница между фашистским правосудием, которое выносило чудовищные приговоры, не допуская свидетелей и не заслушивая подсудимых, и судом народа, который не боится истины и своих врагов; и будет доказано, что болгарский народ и его народное правосудие имеет целью не мстить, а справедливо наказать виновников. /Публика аплодирует/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тихе! Здесь не аплодируют.

Слово имеет защитник г-н Панайот Денев.

С подлинным верно:

Председатель Третьего Верховного состава
Народного суда - София /Борис ПОЗАНОВ/

Министерство Юстиции удостоверяет, что учиненная выше подпись Главного Прокурора при Верховном Кассационном суде Бориса ЛОЗАНОВА - Председателя Третьего Верховного состава Народного суда - София, является доподлинной.

София, 21 марта 1946 года.

Начальник Гражданского Отдела /Бор. Добрев/
/печать/

Министерство Иностранных дел и ^{Веро}исповедания удостоверяет подлинность ниже учиненных подписей и печати Министерства Юстиции.

София, 21. III. - 1946 г.

Секретарь Консульского Отдела /подпись/
Драгоман кассир /подпись/
/печать/

Настоящий документ легализован в Консульском Отделе Миссии Союза ССР в Болгарии.
гор. София - 21 марта 1946 г.

Заведующий Консульским Отделом
Миссии Союза ССР /подпись/
№ 128 /печать/

Настоящая связка содержит 50 /пятьдесят/ листов.

Начальник Уголовного Отдела
Министерства Юстиции /Ст. Станев/
/печать/

П Е Р Е В Е Л: *Валев* /ВАЛЕВ Л.Б./

29/III-46 г.